

DOI 10.31162/2618-9569-2022-15-1-116-132

УДК 321.01+340.12

Original paper

Оригинальная статья

Муса Джаруллах Бигиев: концепция реформы мусульманской правовой системы

Д.Р. Зайнутдинов^{1, 2а}

¹Институт социальных и гуманитарных знаний, г. Казань, Российская Федерация

²Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0836-8769>, e-mail: knight_1988@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются взгляды Мусы Джаруллаха Бигиева на реформу мусульманской правовой системы, которые в совокупности составили целостную правовую концепцию. Актуальность изучаемого вопроса связана с отсутствием в российской юридической науке трудов, посвященных анализу правовых воззрений татарских правоведов, в частности Мусы Бигиева. В процессе исследования используется метод сравнительного правоведения, который позволяет рассмотреть идеи Мусы Бигиева в соотношении с действующими правовыми системами западноевропейских государств. Также в работе применен метод юридической герменевтики, с помощью которого происходит интерпретация тех или иных правовых идей Мусы Бигиева, в том числе с учетом сложившейся терминологии и понятий в теории и истории государства и права. Новизна исследования заключается в том, что впервые обобщены взгляды Мусы Бигиева на реформу мусульманской правовой системы посредством пересмотра иерархии источников исламского права, усиления роли закона, активизации законотворчества. В заключении определено значение правовых идей Мусы Бигиева на развитие мусульманской правовой системы.

Ключевые слова: Муса Джаруллах Бигиев; мусульманская правовая системы; шариат; источники права; доктрина; закон; конституция; реформа; вестернизация

Для цитирования: Зайнутдинов Д.Р. Муса Джаруллах Бигиев: концепция реформы мусульманской правовой систем. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(1):116–132. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-1-116-132

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Musa Jarullah Bigiyev: the conception of the Muslim Legal System reform

D.R. Zaynutdinov^{1, 2a}

¹*Institute of Social Sciences and Humanities, Kazan, the Russian Federation*

²*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0836-8769>, e-mail: knight_1988@mail.ru

Abstract: The article discusses Musa Jarullah Bigiyev's legal views on the reform of the Muslim Legal System, which together constitute an integral legal conception. The relevance of the question posed is related to the lack of research in Russian Legal Science devoted to the analysis of Tatar jurists' legal views, and, in particular, of Musa Bigiyev's. The research uses the method of comparative jurisprudence, which allows us to consider the ideas of Musa Bigiyev in ratio with the existing legal systems of Western European states. The paper also deals with the method of legal hermeneutics, which allows to interpret various legal ideas of Musa Bigiyev, taking into account the established terminology and concepts in the theory and history of the state and law. The novelty of the study is determined by the fact that it comes among the first papers that summarize Musa Bigiyev's views on the reform of the Muslim Legal System. The reform that supposes revising the hierarchy of sources of Islamic Law, strengthening the role of the legislative act, and activating lawmaking. The conclusion describes the significance of Musa Bigiyev's legal ideas on the development of the Muslim Legal System.

Keywords: Musa Jarullah Bigiyev; the Muslim Legal Systems; Sharia; sources of law; doctrine; right; constitution; reform; westernization

For citation: Zaynutdinov D.R. Musa Jarullah Bigiyev: the conception of the Muslim Legal System reform. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(1):116–132. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-1-116-132

Введение

Мусу Джаруллаха Бигиева невозможно причислить исключительно к богословам. Теология (*'ильм аль-калям*) как наука весьма статична, тогда как право динамично. В ядре научных концепций М. Бигиева всегда лежала правовая мысль. Абсолютно все его труды, посвященные различным вопросам жизни мусульманского общества, пронизаны теоретико-правовыми идеями. Аналогичную точку зрения отмечает и М. Гёрмез: «Исламское право и его основы (*усуль ал-фикх*), вероятно, являются областями исламских наук, которыми Муса Джаруллах занимался больше всего» [1, с. 48]. Мысль Мусы

Бигиева «живая», «смелая», порой «дерзкая», что недопустимо для богослова (*мутакаллима*), но крайне необходимо для правоведа (*факыха*). Во многом это связано с тем фактом, что Муса Бигиев являлся одним из лидеров татарского джадидизма. Теоретико-правовые идеи, представленные в его трудах по проблемам философии права, гражданского и наследственного права, не потеряли своей актуальности и для современного исламского мира являются *не просто гуманными и прогрессивными, а доктринальными*. В каждой работе Мусы Бигиева представлен широкий круг правовых вопросов: от чисто теоретических до глубоко практических. *Изложенные им правовые идеи в совокупности составили фундаментальную концепцию реформы мусульманской правовой системы*, которую Муса Бигиев выстраивал на протяжении всей научной деятельности. «Муса Джаруллах систематично и каждую по отдельности исследовал проблемы основ мусульманского права (*усуль аль-фикх*) и его отраслей (*фуру' аль-фикх*). По некоторым из них он публиковал трактаты, стараясь таким образом создать всеобъемлющий свод трудов по мусульманскому праву» [1, с. 50]. Так, через рассмотрение проблемы источников мусульманского права («Арабская литература и исламские науки», 1909 г.) он перешел к изучению вопросов частного права («Женщина в свете священных аятов благородного Корана», 1916 г.). Позже его взгляды устремились к международному праву («Воззвание к мусульманским нациям», 1921 г.), а в последние годы жизни он вновь обратился к вопросам гражданского права («Записки о праве наследования», 1944 г.). Широта охвата проблем юриспруденции объясняет, почему *Муса Бигиев никогда не углублялся в вопросы теологии. Видимо, это отрывало его от исследования правового положения мусульманских народов, уровня правосознания людей в мусульманском обществе и изучения причин отсутствия среди мусульман тяготения к демократии*. Эти вопросы для Мусы Бигиева не были вопросами теологии – они являлись проблемами мусульманской государственности и ее правовой модели.

Роль доктрины в исламском праве

Одним из концептуальных трудов Мусы Бигиева является статья «Мой взгляд на исламский шариат», опубликованная в газете «Ил» в 1913 г. [2, с. 331–340]. *Эта работа имеет весьма важное значение в спектре концепции реформы мусульманской правовой системы, а именно при обращении к во-*

просу пересмотра источников исламского права (за исключением Корана и Сунны). «Исламский шариат очень широк в своих основах и источниках», – писал М. Бигиев [2, с. 335]. В этом же аспекте он неоднократно высказывал следующую мысль: «Пока мы не определимся с нашим подходом к священному шариату, невозможно будет свободно провозглашать правильные ответы и в приемлемой форме претворять их в жизнь» [2, с. 331]. В последующих работах М. Бигиева прослеживается мысль о необходимости не просто «очистить» шариат от чрезмерного избытка доктрин, но и несколько усилить в нем роль закона и законотворчества, в итоге уравновесить правовую доктрину и закон.

Исторически сложилось так, что в мусульманском праве важное значение имеют доктрины, выступающие в роли источника права, то есть «мусульманское право основано на принципе авторитета» [3, с. 352] – созданные еще в средневековье правовые доктрины стали непререкаемыми на сотни лет. Примечательно, что подобный способ образования правовых норм несколько сближает мусульманскую правовую систему с англо-американской. «Допуская рассуждение по аналогии, (мусульманские правоведы. – Д.З.) создали возможность рационального толкования; но таким образом нельзя сформировать фундаментальные нормы, сравнимые по своей природе с системой традиционных норм, созданной в X веке. Мусульманские легисты в этом случае отличны от юристов общего права, которые, используя технику различия, создают новые нормы» [3, с. 352]. *В дальнейшем отступления от этих доктрин стали приравниваться к критике шариата в целом, что катастрофически сказалось на всей мусульманской правовой системе.* Эту позицию следующим образом критикует Муса Бигиев: «Отрицание какого-либо мазхаба или критика какой-либо известной проблемы, имеющейся в этом мазхабе, ни в коей мере не является отрицанием собственно шариата или критикой, направленной в его адрес. Критика толкований Корана или признание какого-либо из них совершенно ошибочным не означает критику самих священных аятов или обвинение их в ошибочности» [2, с. 332]. Согласно М. Бигиеву, подобное отношение крайне негативно для исламского общества, поскольку тормозит развитие мусульманской государственности, нарушает нормальное функционирование правовых механизмов и институтов. Более того, изучая данную проблему, он призывает к противоположному, указывая, что «фанатичное следование установлениям, которые могут нанести урон тем или иным аспек-

там нашего общественного состояния, конечно же, является грехом» [2, с. 334]. Таким образом, Муса Бигиев предлагал пересмотреть чрезвычайно завышенную роль правовой доктрины как источника права.

«В действительности, единственным источником мусульманского права являются труды ученых-юристов. Мусульманское право представляет собой замечательный пример права юристов. Оно было создано и развивалось частными специалистами. Правовая наука, а не государство играет роль законодателя: учебники имеют силу закона. При рассмотрении дела судья никогда прямо не обращается к Корану или Сунне – преданиям о Пророке. Вместо этого он ссылается на автора, авторитет которого общепризнан» [4, с. 299]. Другими словами, если романо-германская правовая система исходит из позиции, что источником права является закон, а англо-американская правовая модель базируется на судебном прецеденте, то мусульманское право в своем фундаменте имеет правовую доктрину. «Закон, применявшийся мусульманскими судьями (кадиями), всегда был в принципе, а то и фактически законом правоведов, а не законом, возникавшим из судебного прецедента» [5, с. 223]. Однако правовая доктрина, рожденная, например, в X веке, никак не может способствовать регулированию правоотношений в XX веке, тем более в XXI. Данный факт весьма очевиден, а потому Муса Бигиев высказывался резко: «Школы фикха, основанные с целью упорядочения бытия людей во всех его проявлениях, не могут быть ни вечными, ни всеохватными» [2, с. 334]. Нельзя не отметить, что М. Бигиев выступал за выстраивание четкой иерархии источников исламского права, которая позволила бы исключить устаревшие и не отвечающие современности правовые нормы, документы, не имеющие юридического значения (калям – религиозно-философские рассуждения), а также запретить таклид («слепое» следование авторитету по различным вопросам правового характера). В первую очередь, он предлагал исключить «чисто богословские» труды из круга источников мусульманского права: «Книги, представляющие собой словопрения и мешанину каламических противоречий, не могут быть основами права в их истинном значении» [6, с. 43]. Вторым шагом он предлагал провести разграничение между комментариями правоведов, не относящихся к фундаментальным правовым доктринам (из которых и образовался шариат), и «целями Законодателя», то есть исходными началами исламского права. Так, он указывал:

«Прежде всего нам необходимо провести размежевание между исламскими мазхабами и исламским шариатом. Нужно научиться проводить границу между толкованиями комментаторов и целями Законодателя. Мазхаб – это одно, а исламский шариат – другое. Толкование – одно, священный аят – другое» [2, с. 332]. Главной же целью, которую преследовал М. Бигиев говоря о необходимости выстраивания иерархии источников исламского права, являлось устранение сильной казуистики, опутавшей всю мусульманскую правовую систему, что привело к утрате в ней такого принципа, как «справедливость». Он писал: «Исламское право (фикх) должно было стать самым приспособленным законом человеческой жизни, самым совершенным правом, основанным на чистой справедливости» [6, с. 38].

Закон в иерархии источников мусульманского права

Следующим этапом реформы мусульманской правовой системы Мусы Бигиева являлось принятие в качестве нового источника права – закона, а точнее повышение его роли в иерархии источников. Здесь следует отметить, что «в классическом арабском языке не существует точного эквивалента русскому слову «закон» в его обычном, повседневном значении. Следовательно, закон, содержащийся в шариате, нужно идентифицировать со ссылкой на идеи и положения, которые, без сомнения, можно охарактеризовать как «правовые»» [5, с. 33]. По данному поводу Муса Бигиев высказывал следующую мысль: «Исламское право и правовые школы – это уникальное явление, редко встречающееся в истории законов и права» [2, с. 333]. Однако М. Бигиев «закону» придавал несколько иную правовую природу, близкую к той, которая сложилась в западноевропейской правовой традиции. Он прекрасно видел созидательную силу закона, которой не было в мусульманских странах, в странах Европы. Подчеркнем, что в широком смысле «закон» как свод обязательных правил поведения, регулирующих общественные отношения, в мусульманской правовой системе конечно наличествует. Однако понятие «закон» отсутствует в узком смысле, как юридический акт, принятый высшим представительным (законодательным) органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением народа. Закон в мусульманской правовой системе более «принижен», даже в сравнении с англо-американской правовой моделью. Поэтому следует констатировать, что закону как источнику права

в мусульманской правовой системе однозначно отведено недостаточно места. Так, А.Х. Саидов отмечает, что «закон в понятии позднеримского и романо-германского права в мусульманском правопонимании не существует. Теоретически только Бог имеет законодательную власть» [4, с. 299]. Это обстоятельство породило такую серьезную проблему, как отсутствие «законодательной техники», представляющей собой совокупность методов, правил и приемов разработки, оформления, опубликования и систематизации нормативно-правовых актов. Отчасти роль законотворческой техники в мусульманской правовой системе заменяет методология исламской юриспруденции, которая, в свою очередь, входит в науку усуль аль-фикх, занимающуюся «вопросами, связанными с теорией права и методологическими принципами, которыми следует руководствоваться при формулировке правовых норм» [5, с. 5]. Уже во введении к трактату «аль-Мувафакат» («Оригинальный трактат по методам согласования позиций мазхабов») имама аш-Шатыби Муса Бигиев сделал однозначный вывод, что недостатки мусульманской правовой системы «проистекают из методологии фикха» [6, с. 38]. Он постоянно призывал мусульманских правоведов совершенствовать методологию исламской юриспруденции, что способствовало бы развитию законотворчества. В правовых воззрениях М. Бигиева именно закон должен был стать главным источником исламского права после Корана и Сунны, а не разросшиеся доктрины различных ученых внутри правовых школ (мазхабов): «Мазхабы были созданы великими имамами. Но они не преследовали цель насильно навязать свои мазхабы мусульманам и создавали их не для того, чтобы ограничить шариат установлениями мазхаба и собственными взглядами. Скорее они делали это для того, чтобы показать каждому члену уммы способы и пути применения Сунны Пророка в любой ситуации, возникающей в жизни общества, согласно эпохе и принципу целесообразности» [2, с. 333–334]. М. Бигиев пытался донести идею о том, что методологию фикха необходимо усовершенствовать – принять новый труд по методологии права. [6, с. 43]. В результате подобной модернизации ее можно будет использовать и как методологию законотворчества. Более того, как было сказано выше, он высказывал мысль о прекращении «размножения» правовых доктрин, которые только способствовали росту казуистики, затмевали главную цель правосудия – установление справедливости. Об этой проблеме размышляют и современные правоведы, что

лишний раз подтверждает значимость концепции Мусы Бигиева. Так, по данному поводу Бернارد Дж. Вайсс отмечал: «Своими судебными решениями, принимаемыми в зависимости от каждого конкретного случая, кадии заложили основу для дальнейшего развития мусульманского права. Занимаясь судебной практикой, они не имели возможности опереться на какой-либо готовый корпус законов, который можно было бы с уверенностью назвать мусульманским, поэтому они выносили решения по своему усмотрению, руководствуясь собственным чувством справедливости» [5, с. 18]. *Тем самым, возвышение роли закона в иерархии источников мусульманской правовой системы, несомненно, способствовало бы укреплению принципа единообразной справедливости для всех. В более глобальном плане развитие законотворчества способствовало бы формированию принципа верховенства права.* Природа закона заключается в том, что он устанавливает, изменяет и прекращает правоотношения, которые складываются, видоизменяются и отмирают в конкретном историческом периоде. Закон отражает уровень прогресса в обществе. Таким образом, для М. Бигиева закон являлся тем необходимым элементом, который должен был способствовать ускорению развития мусульманского общества.

Законотворчество как путь к прогрессу

В концепции реформы мусульманской правовой системы Муса Бигиев не обошел вниманием и законотворчество. Свои взгляды на закон как главный источник мусульманской правовой системы Муса Бигиев концептуально изложил в 1920 г. в труде «Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях» (напечатана в Берлине в 1923 г. в ответ на сочинение «Азбука коммунизма» (1919 г.), автором которого являлся Н.И. Бухарин) (далее – «Воззвание»). «Труд Бигиева, работу над которым он закончил в 1920 г., представляет собой своеобразный политический манифест Ислама или Исламскую Конституцию, в 236 статьях которой освещены проблемы, касающиеся соответствующего канонам Ислама жизнеустройства как российских, так и зарубежных мусульман» [7, с. 5]. *Повышение роли закона в иерархии источников мусульманской правовой системы возможно было только посредством признания самого процесса законотворчества в качестве прерогативы представительного (законодательного)*

органа государственной власти. Однако природа шариата исключает данную прерогативу, так как «основная функция парламента, согласно шариату, – не законодательствовать, поскольку все законы уже даны в Коране, а разрабатывать различные программы социально-экономического развития страны, подлежащие осуществлению исполнительной властью» [8, с. 113]. М. Бигиев делает вывод, что следует отвергнуть то «приниженное» отношение к представительному (законодательному) органу государственной власти, которое сложилось к нему в мусульманском мире. В частности, в 1920 г. за Высшим Национальным Собранием Турции как представительным (законодательным) органом государственной власти Муса Бигиев признает роль лидера «великого исламского халифата» [9, с. 65]. В то же время за народом он признает право на высшее правотворчество (помимо абсолютных законов – Корана и Сунны), которое материализуется через референдум. Так, согласно М. Бигиеву, референдум – это «законная традиция обращения к всеобщему народному голосованию» [9, с. 66]. В дальнейшем М. Бигиев развивает свою мысль в «Воззвании», а именно в статье 75 раздела 3, посвященного вопросам правотворческих прав нации и вопросам, касающимся систематизации и развития шариата, Муса Бигиев указывает, что «мусульманской умме, несомненно, присущи вся полнота силы законотворчества в сфере шариата и права на законотворчество со всеми его отраслями» [9, с. 85]. Это положение развернуто в статье 79 «Воззвания», в которой говорится, что «право на законотворчество принадлежит членам иджмы» (единогласное решение коллегиального органа из авторитетных лиц, по сути – «парламент», – Д.З.) [9, с. 86].

Идея «Коран – конституция»

В вершине нормативно-правовой базы мусульманской правовой системы, в концепции М. Бигиева, находилась «исламская конституция» – Коран. Право для М. Бигиева не статично. Право динамично, оно требует постоянного развития и согласования с конкретной исторической эпохой. При этом Муса Бигиев всегда подчеркивал, что правовые нормы, закрепленные в Коране, являются абсолютно универсальными, подходящими совершенно для любой эпохи. Тем самым, он предлагал Коран и Сунну возвести в ранг «нормативно-правовых актов» высшей юридической силы, или, иначе говоря, в ранг конституции и конституционного акта единых для всех мусульманских государств.

По этому поводу Муса Бигиев отмечал: «Создавая комментарии к хадисам и аятам, мухаддисы и муфассиры всегда толковали аяты согласно методикам, установленным в книгах по методологии права. Они не обращали должного внимания на цели Писания и Сунны, на значимость для человеческой жизни того, чему они придавали статус закона, ибо область применения методов, которые они сочли обязательными, была не столь обширной» [6, с. 41]. *Если подходить с позиции того, что Коран – это «конституция», то тогда Коран, несомненно, обладает конституционными целями, задачами и принципами, которыми и необходимо руководствоваться в законотворческом процессе.* Поэтому «М. Бигиев стал искать пути возрождения подлинных принципов мусульманского права» [11, с. 79], и он их нашел. Фактически применив метод сравнительного правоведения, М. Бигиев провел параллель между значением «основного закона», то есть «конституции», в ее европейском понимании, и Кораном, в понимании мусульманского мира: «В то время как законы и правовые системы всех народов развиваются, привлекая внимание цивилизованного мира, закон Священного Корана и мудрого Пророка по какой-то причине отстранен от применения на практике в мусульманском мире» [2, с. 331]. *Следовательно, мусульманским правоведам нужно было выработать единую систему конституционно-коранических целей, задач и принципов.* Примечательно, что подобный подход к Корану, как к «конституции», можно найти и у Зыяэтдина Камали, в его труде «Философия ислама», 1909–1913 гг. [10, с. 141]. В частности, Зыяэтдин Камали выделяет целый комплекс прав и свобод, обозначая их как «законы цивилизованной жизни» [10, с. 141], и отмечает, что эти «законы» «напрямую взяты из текста Корана либо исходят из самого духа Корана и являются лишь малой частью, имеющейся в сокровищнице ислама». Эти законы не только полностью согласуются с демократическими правами и свободами современного мира, но, согласно Зыяэтдину Камали, составляют «правила культурного общежития». Подобное определение в полной мере подходит к понятию «конституция».

Вестернизация и мусульманская правовая система

«Тот факт, что наука мусульманского права сформировалась и стабилизировалась в глубоком Средневековье, объясняет некоторые черты этого права: архаический характер ряда институтов, его казуистичность и отсут-

ствие систематизации» [3, с. 354]. Это обстоятельство постепенно вызывало все больше проблем в сфере правового регулирования общественных отношений. Уже к середине XIX века стало очевидным фактом, что действующая мусульманская правовая система неспособна конкурировать с существующими правовыми моделями Европы и Америки. Попыткой решения данного вопроса являлся запуск процесса «вестернизации». Муса Бигиев никогда не был сторонником вестернизации правовых моделей мусульманских государств, но он не являлся и сторонником сложившейся за столетия, практически не модернизирующейся исламской правовой системы. «Признаем, что западные законы, право и юридические науки хороши», – писал М. Бигиев [2, с. 337]. Тем не менее он сосредотачивал усилия на выработке идей, представлявших собой комбинацию исламского права с западными правовыми моделями. В то же время в этой комбинации, безусловно, на вершину ставились цели и принципы шариата. Другими словами, М. Бигиев предлагал заимствование и поглощение мусульманской правовой системой определенного ряда институтов, механизмов и элементов – образцов западных правовых моделей, путем их дальнейшего приспособления к нуждам исламского мира. С другой стороны, он подвергал критике «слепой» путь заимствования, который фактически вел страну к замене одной правовой системы на другую. В качестве примера он приводил Османскую империю и Египет: «Если мы обратим наш внимательный взор на такие страны, как Турция, Египет, которые ступили на путь вестернизации, то вместо чудесного шариата увидим французские законы и английские правовые системы» [2, с. 331]. Опасения М. Бигиева по чрезмерному увлечению вестернизацией оправдались. В частности, в результате подобного заимствования в Османской империи и в последующем в республиканской Турции (конец XIX – начало XX в.), мусульманская правовая система была полностью заменена на германскую правовую модель.

Следует особо отметить, что негатив от вестернизации Муса Бигиева видел не в том, чтобы не использовать некоторые правовые институты, отрасли и элементы механизма правового регулирования, установившиеся на Западе. Как может навредить мусульманской правовой системе принесенная вестернизацией систематизация законодательства, направленная на упорядочение правовых норм? Никак. Или теория механизма правового регулирования, который, обеспечивая комплексное воздействие различных средств

на общественные отношения и выявляя динамику развития права, выступает весьма важной частью любой правовой системы. В этом отношении М. Бигиев писал: «Западные законы и право прекрасны. Но, по моему мнению, если сегодня западный мир не признает мусульманские правовые школы, то грех не в них, а в нас самих» [2, с. 340]. *Процесс вестернизации Муса Бигиев критиковал лишь за то, что с заимствованием западноевропейского права параллельно подменяются цели, задачи и принципы, которые лежат в основе исламского права.* «Глаза наши были ослеплены блеском западной цивилизации, на фоне прогресса Запада наши мысли пришли в замешательство», – писал М. Бигиев [2, с. 339]. *Тем самым, его формула проста: заимствовать некоторые западноевропейские правовые институты, отрасли и элементы механизма правового регулирования, но при этом сохранять цели, задачи и принципы исламского права.* Он прекрасно видел возможность весьма перспективного развития мусульманской правовой системы в процессе подобного заимствования. Во многом это объясняется тем фактом, что «мусульманское право содержит очень мало императивных положений и предоставляет широкие возможности свободной инициативе» [3, с. 358], что, в свою очередь, открывало огромный творческий потенциал для создания в мусульманских государствах новых и модернизации старых правовых институтов и отраслей права, отвечающих современным требованиям общества. Именно данной идее и были посвящены его труды в последние годы жизни – «Записки о праве наследования» (1944 г.), «Страхование жизни и имущества» (1944 г.), «Ростовщичество и банки в исламе» (1946 г.). Согласно воззрениям Мусы Бигиева, каждая эпоха должна приспособлять имеющиеся правовые нормы к действующей реальности и создавать новые, которые, безусловно, учитывали бы достигнутый обществом прогресс. *При этом создаваемые правовые нормы не должны утрачивать «дух ислама», то есть заложенные в нем нормы морали и нравственности, гуманности и справедливости, а также подменять цели, задачи и принципы исламского права.*

Заключение

Исследуя реальность исламского мира, Муса Бигиев с сожалением отмечал: «Свобода и широта исламского шариата, призванного оказывать решающее воздействие на прогресс человеческого жизнеустройства, оказались

сильно ограниченными и скованными. Исламское право (*фикх*) в наши дни остается таким же, каким оно было тысячу лет тому назад» [6, с. 39]. Тем не менее эволюция исламского права на протяжении почти четырнадцати столетий показывает, что, несмотря на разные периоды процветания и застоя, исламское право было и остается динамичной правовой системой, способной к модернизации. На этот неоспоримый факт уже в начале XX века указывал Муса Бигиев. *Его концепция реформы мусульманской правовой системы исходила из необходимости:*

- *очистить от архаичности источники исламского права путем исключения утративших актуальность правовых доктрин;*
- *выстроить четкую иерархию источников исламского права, устранив из нее казуистику;*
- *вывести из источников исламского права документы, не имеющие юридического значения (калям), а также запретить таклид;*
- *повысить роль закона в иерархии источников мусульманской правовой системы;*
- *пересмотреть отношение к процессу законотворчества;*
- *выработать единую систему конституционно-коранических целей, задач и принципов.*

В трудах Мусы Бигиева можно выделить две основные цели, которые он предлагал в качестве инструментов реализации концепции реформы мусульманской правовой системы:

- *переустройство и усовершенствование правовой школы (мазхабов) [2, с. 335];*
- *принятие нового подхода в методологии исламской юриспруденции (по сути, законотворческой техники) [6, с. 43].*

Хотя Муса Бигиев и отрицал западноевропейский путь развития мусульманского права, тем не менее огромное влияние на его правовые воззрения оказали правовые системы, основанные на светских началах. М. Бигиев смог масштабно проанализировать достоинства и недостатки данных систем, поэтому, предлагая решение по каждой проблеме правового регулирования, «Муса Джаруллах искал параллели между целью законодателя и интересами общества. По его убеждению, ни одна правовая система не может обеспечить себе будущее, если она не основана на принципе удовлетворения запросов

общества и противодействия социальным порокам» [1, с. 52]. В нынешнее время концепция реформы мусульманской правовой системы является как никогда актуальной.

Анализ правовых воззрений Мусы Бигиева позволяет говорить, что он являлся далеко не просто классическим исламским богословом-законоведом (факихом), а выдающимся истинным правоведом, правовые идеи которого были уникальны в подлинном смысле этого слова. Справедливо писал М. Гёрмез: «Его идеи обычно встряхивали татарскую общественность, приводили в движение застоявшихся и дремавших мусульманских ученых. Его мысли придавали силы и активность новой революционной идеологии» [1, с. 43]. Идеи М. Бигиева покорили исламских правоведов от Поволжья до Индии, от Скандинавии до Турции, от Европы до Африки. Однако для современных российских ученых-юристов, особенно татарских, многие труды Мусы Бигиева до сих пор остаются недоступными, что является главной причиной неизученности правовых воззрений Мусы Джаруллаха Бигиева. В то же время отметим огромный вклад А.Г. Хайрутдинова в исследование правовых идей и концепций М. Бигиева, который перевел его отдельные научные работы.

В Мусе Бигиеве олицетворен образ мусульманина-интеллектуала и мусульманина-реформатора, который непреклонно следовал единственной цели – непрерывному совершенствованию исламского мира посредством развития мусульманской правовой системы.

Литература

1. Гёрмез М. *Муса Джаруллах Бигиев*. Хайрутдинов А.Г. (пер. с турец.). Казань: Рос. исл. ун-т, АРП «Диамант»; 2010. 169 с.
2. Бигиев М.Д. Мой взгляд на исламский шариат. *Избранные труды*. Хайрутдинов А. (сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2014. С. 331–340.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. *Основные правовые системы современности*. Туманов В.А. (пер. с фр.). М.: Междунар. отношения; 2009. 456 с.
4. Саидов А.Х. *Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности)*. Туманов В.А. (ред.). М.: Юристъ; 2003. 448 с.
5. Бернард Дж. Вайсс. *Дух мусульманского права*. Пер. с англ. М., СПб.: Изд-во «ДИЛЯ»; 2008. 320 с.

6. Бигиев М.Д. Введение к трактату «Аль-Муафакат» («Оригинальный трактат по методам согласования позиций мазхабов»). *Избранные труды*: В 2 т. Т. 2. Хайрутдинов А. (сост. и пер. с осман.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2006. С. 34–44.

7. Хайрутдинов А.Г. *Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов*. Ч. 1. Казань: Иман; 2000. 71 с.

8. Онан Э.С. Ислам и конституционное строительство в странах Востока. *Мусульманское право (структура и основные институты)*. М.: Институт государства и права АН СССР; 1984. С. 105–120.

9. Бигиев М.Д. Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях. *Избранные труды*: В 2 т. Т. 2. Хайрутдинов А. (сост. и пер. с осман.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2006. С. 45–126.

10. Камали З.Д. *Философия ислама*. В 2 т. Т. 1. Алмазовой Л. (пер., вст. сл., прим. и ком.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2010. 319 с.

11. Хайрутдинов А.Г. М. Бигиев об обновлении мусульманской правовой системы. *Бигиевские чтения: богословская мысль российских мусульман XIX – начала XX вв. Сборник научных статей*. Зарипов И.А. (сост.), Мухетдинов Д.В. (общ. ред.). М.: Издательский дом «Медина»; 2015. С. 73–84.

References

1. Germez M. *Musa Dzharullah Bigiev* [Musa Jarullah Bigiev]. Khairutdinov A.G. (tr. from Turkish). Kazan: Russian Islamic University; APA “Diamant”; 2010. 169 p. (In Russian)

2. Bigiev M.D. *Moy vzglyad na islamskiy shariat* [My view on Sharia in Islam]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Khairutdinov A. (compiled and tr. from the Ottoman language, introduction, footnotes and comments). Kazan: Tatar Book Publishing House; 2014, pp. 331–340. (In Russian)

3. David R., Zhoffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of the present time]. Tumanov V.A. (tr. from French). Moscow: International Relationships Publ.; 2009. 456 p. (In Russian)

4. Saidov A.Kh. *Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti)* [Comparative jurisprudence (basic legal systems of the present time)] Tumanov V.A. (ed.). Moscow: Jurist Press; 2003. 448 p. (In Russian)

5. Bernard G. Weiss. *Dukh musul'manskogo prava* [The Spirit of Islamic Law]. Transl. from English. Moscow, St. Petersburg: "Dilya" Press; 2008. 320 p. (In Russian)

6. Bigiev M.D. Vvedenie k traktatu "Al'-Muafakat" ("Original'nyj traktat po metodam soglasovanija pozicij mazhabov") [Introduction to the treatise "Al-Muwafaqat" ("Original treatise on the methods of harmonizing the positions of madhhabs")]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. In 2 vol-s. Vol. 2. Khairutdinov A.G. (comp. and tr. from the Ottoman language). Kazan: Tatar book publishing house; 2006, pp. 34–44. (In Russian)

7. Khairutdinov A.G. *Nasledie Musa Dzharullaha Bigieva. Sbornik dokumentov i materialov* [Legacy of Musa Jarullah Bigiev. Collection of documents and materials]. Part 1. Kazan: "Iman" Publishing house; 2000. 71 p. (In Russian)

8. Onan E.S. Islam i konstitutsionnoe stroitel'stvo v stranakh Vostoka [Islam and constitutional construction in Oriental countries]. *Musul'manskoe pravo (struktura i osnovnye instituty)* [Muslim Law (structure and main institutions)]. Moscow: The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences of the USSR; 1984, pp. 105–120. (In Russian)

9. Bigiev M.D. Vozzvanie k musul'manskim natsiyam o religioznykh, moral'nykh, sotsial'nykh i politicheskikh problemakh i deystviyakh. *Izbrannye Trudy* [Appeal to Muslim nations about religious, moral, social and political problems and actions. Selected works]. In 2 volumes. Vol. 2. Khairutdinov A.G. (compiled and translated from the Osman language). Kazan: Tatar book Publishing house; 2006, pp. 45–126. (In Russian)

10. Kamali Z.D. *Filosofiya islama* [Philosophy of Islam]. In 2 volumes. Vol. 1. Almazova L. (translation, introduction, notes and comments). Kazan: Tatar book Publishing house; 2010. 319 p. (In Russian)

11. Khairutdinov A.G. M. Bigiev ob obnovlenii musul'manskoj pravovoj sistemy [M. Bigiev on the renewal of the Muslim Legal System]. *Bigievskie chtenija: bogoslovskaja mysl' rossijskih musul'man XIX – nachala XX vv. Sbornik nauchnykh statej* [Bigiev readings: theological thought of Russian Muslims in the 19th – early 20th centuries. Collection of scientific articles.]. Zaripov I.A. (comp.), Muhetdinov D.V. (ed.). Moscow: "Medina" Publishing house; 2015, pp. 73–84. (In Russian)

Информация об авторе

Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний», г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Dinar R. Zaynutdinov, Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor at the Department of Theory of State and Law and Public Disciplines of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Head of the Legal Division of Institute of Social Sciences and Humanities, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 декабря 2021
Одобрена рецензентами: 22 января 2022
Принята к публикации: 22 февраля 2022

Article info

Received: December 22, 2021
Reviewed: January 22, 2022
Accepted: February 22, 2022